

Мордухаев Борис

27.02.97

39

Люди искусства

Моск. правда. - 1997. - 27 февр. - с. 8

Время начинать

Начинающие актеры, что дети, - неизвестно, что из них получится, когда вырастут. Один подавал блестящие надежды в институте, а придя в театр, растворился, потерялся в актерской массе; другой с грехом пополам добрался до диплома, а получив его, «пошел» - играет из спектакля в спектакль, снимается в кино и на телевидении. Так что не стоило удивляться, когда в 1960 году из троих отчисленных из Ташкентского театрального института студентов один стал популярнейшим актером театра и кино, другой эстрадной звездой, а третий...

Третьим был **Борис Мордухаев**. Он приехал в Москву и был принят сразу в Щепкинское училище на последний курс и в цыганский театр «Ромэн». Не обременяя память запоминанием трудной фамилии новичка, актеры стали называть его Ташкентским - так родился его сценический псевдоним.

Он дебютировал в роли Ромедадо в «Кармен из Трианы». Спектакль Анхеля Гутьерреса был проникнут ностальгическим чувством воспоминания об Испании его детства. Сильнее всего это ощущалось в игре Ташкентского, в роли, которой вообще могло не быть в спектакле: Ромедадо не имел никакого отношения к основному сюжету и был скорее неким знаком Испании: беззаботно жизнерадостный, сияющий бе-

лозубой улыбкой мальчик, весело влюбленный в свою подружку и опасно близкий к контрабандистам, он напоминал тех мальчишек, что мчатся перед разъяренным быком на его пути на арену - смеясь разбегаются в разные стороны, чтобы не угодить на страшные рога. Многим удается их миновать. Ромедадо не удалось - его убивали. И последний взгляд, брошенный им на этот мир, был полон недоумения и непонимания. Он не осуждал, он вопрошал.

Ташкентского заметили после первых же ролей и зрители, и критики, а актеры, обычно ревнивые к чужому успеху, приглашали при встрече прийти посмотреть, как играет новый артист. Хотя выступал он обычно в небольших ролях: Ромедадо появлялся всего в двух картинах, а Роман в «Цыганке Азе» вообще в одной.

В сопровождении родственников он приходил свататься к первой красавице деревни - торжественный, гордый, с цветком в руке. Но красавица любила другого, и торжественность момента была нарушена криками, плачем. О женихе забывали, и он стоял улыбающийся, счастливый, безучастный к происходящему - он был глухонемой.

В чем заключался секрет успеха молодого Ташкентского? В романтическое искусство цыганского театра, построенного по законам амплуа, он принес мастерство создания

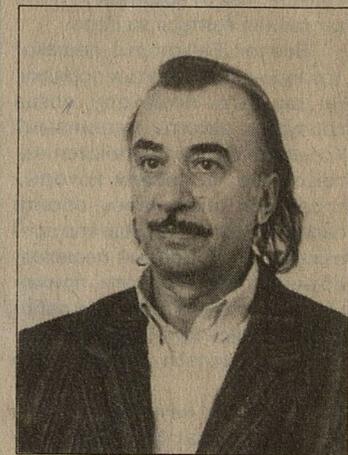
характера, образа. В труппе актеров, щедро одаренных, но без школы, он был едва ли не единственный профессионал. Владел всеми выразительными сценическими средствами, был музыкален, пластичен, но не «вообще», а в соответствии с индивидуальным характером персонажа. У Мирчи в «Ромбаре» драма покорности, постоянного страха перед жизнью и людьми выражалась в вялой, размытой пластике. Холодный, бесстрашный, корректный и страшный офицер-гестаповец Вихман в «Песне на рассвете» был подтянут, энергичен и точен в каждом движении. Другинник Толя в комедии «У дороги», влюбившись в цыганку Любку, начинал танцевать вместе с ней - смешно размахивая руками, не попадая в ритм музыки, делая нелепые движения, но очень старательно. А бешеный по ритму танец собирающегося совершить убийство (как бы теперь сказали, «заказное») Риги в «Лачи» - как трагический монолог - отражал его душевные метания... Пластический рисунок, танец становились средством характеристики человека, поэтому они имели такое же важное значение, как слово.

Ташкентский играл самые разные роли - современные и классические, комедийные и трагические, молодых и стариков, однажды играл даже женщину. Когда драматургический материал позволял, возникали обобщения, интересные ассо-

циации. Если же нет, появлялись просто бытовые зарисовки. Пожалуй, таких было большинство, но выпадали на долю артиста и роли-события, из тех, что называются подарком судьбы.

Пушкин в спектакле «Здравствуй, Пушкин!» - в постановке Семена Баркана - одно из замечательных творений актера.

Прекрасный портретный грим не менялся в течение действия, которое охватывало семнадцать лет жизни, - важно было воплотить образ поэта, каким он живет в памяти народа благодаря живописным и скульптурным его изображениям. Спектакль начинался с памятника - поэт «оживал» и сходил с пьедестала, а в финале снова поднимался на пьедестал и становился памятником. Обозначив этой метафорой тему бессмертия, театр перелистывал некоторые страницы жизни Пушкина, лучшими из которых были встречи с цыганами. Актер раскрывал внутренние перемены в поэте - озорной и беспечный в сценах с Земфирой, он утрачивал беспечность, все чаще погружаясь в невеселые думы - эти молчаливые сцены были насыщены напряженной мыслью, все более драматичной. Актер проживал на сцене сложную жизнь, раскрывая неизбежность трагического конца. И вместе с тем образ оставлял ощущение света, потому что Ташкентский постиг главное в

Пушкине - его внутреннюю свободу, его духовную гармонию. Взгляд на поэта с высоты полутора вековой его жизни рождал оптимизм образа.

Хим Баша в «Вожаке» - еще одна вершина в творчестве Ташкентского. Режиссер Эдгар Эгадзе ставил спектакль о мудром руководителе, ответственном за судьбу собственного народа. Поэтом Ташкентский не подчеркивал возраста Хим Баши, это был совсем не старый, энергичный, волевой человек, к которому шли за советом и помощью, к словам которого относились с доверием и уважением. Его существование в спектакле начиналось с ликования по поводу рождения в таборе сотого человека. А потом был долгий и тяжкий путь, и Хим Баши понимал, что их ведут к гибели; но это был и путь осознания важных истин, отрешения от догм. Время и люди меняли его представления о мире. Ташкентский не упрощал этого процесса - по-

рой мучительно трудно принимал его герой решения, делал выбор. Весь спектакль воспринимался, как непрерывный монолог Хим Баши, выраженный то в словах, то в молчании; все события воспринимались через его отношение к ним, а последний его монолог-завещание был исполнен высокого душевного пафоса и удивительной простоты. Роль Хим Баши свидетельствовала - Ташкентский сформировался, как трагический актер большого масштаба.

Из всех ролей в репертуаре актера сегодня осталось две-три, не больше. Новых в последние полтора-два десятилетия почти не было. Не то что их не предлагали. Предлагали и много. Но Ташкентский отказывался от них. Может быть, после хорошей драматургии не хотелось играть примитивные однодневки. Скорее

же всего он был увлечен другим. Уже много лет он периодически собирал около себя молодых актеров, занимался с ними актерским мастерством, ставил с ним спектакли. Сейчас его увлекла идея создания детского музыкального цыганского театра. В студии дома творчества «Сокол» начал он осуществлять свою идею - оные цыгане уже занимаются актерским мастерством, сценическим движением, речью. Вопреки логике сегодняшней жизни префектура округа поддерживает студию, оплачивает педагогов, аренду и т.д.

Борису Ташкентскому исполнилось шестьдесят. Самое время начинать новое дело...

Валентина РЫЖОВА.
На снимках: Б.Ташкентский в жизни; в роли Пушкина.

Фото из архива артиста.